

Татьяна М. Григорьева, Лилия Маршалек, Марек Маршалек¹

ПОЛЬСКО-РУССКИЙ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Исторические обстоятельства жизни русского и польского народов, длительный период их существования в пределах единого государства, не могли не отразиться в языке.

На уровне фонетики русского языка как следствие польского влияния квалифицируется достаточно распространенное явление аффрикатизации, то есть произношение после палатализованных [т'] [д'] фрикативно-го призвука [ç] [ʃ]: *ne[m^ç]*, [d^ʃe]лать, [m^çe]ло, [d^ʃe]ло и под. (Добродомов 1971; Григорьева 1988). О фонетических влияниях русского языка на польский сведений нет, но совершенно очевидно, что в значительной степени взаимовлияние языков проявилось на лексико-фразеологическом уровне, который считается наиболее открытым при языковых контактах.

Из числа существующих в современном польском языке русизмов выделяется прежде всего группа старых, традиционных заимствований, освоенных польским языком в XIX столетии, т. е. в период наиболее сильного влияния русского языка, и группа новых, появившихся после второй мировой войны (Jurkowski 1982: 136; Buttler 1973: 7). В более ранний период влияние русского языка на пополнение словаря польского литературного языка было чрезвычайно слабо и носило случайный характер (Buttler

¹ Prof. T. Grigoriewa specialises in Russian linguistics. Institute of Philology and Language Communication. Siberian Federal University, 79 Svobodny, Krasnoyarsk, 660041, Russia; e-mail: annysten@yandex.ru.

Dr L. Marszałek specialises in Russian linguistics. Institute of Neophilology and Applied Linguistics, ul. Grabowa 2, 85-601, Bydgoszcz.

Prof. M. Marszałek specialises in Russian linguistics. Department of Onomastics and the History of Russian Language, ul. Grabowa 2, 85-601, Bydgoszcz; e-mail: marmarsz@ukw.edu.pl.

1989: 505). К лексическим заимствованиям XVIII века относятся, например, *knut, skomoroch, sotnia, sojusz, ukaz* (см. Linde 1807-1814).

Как отмечает Д. Буттлер (Buttler 1973: 8), традиционные заимствования попадали в польский литературный язык тремя путями: или заимствованы непосредственно из русского литературного языка, или из русского арго через польский сленг, или же из русского литературного языка через территориальные (восточные) разновидности польского языка.

Большую часть старых заимствований составляет лексика, характеризующая речь определенного периода, которая с восстановлением польской государственности ушла из активного словаря и пополнила число историзмов, например: *armiak, cyrkuł, czaść, czynownik, dobrowolec, dzieńszczyk, gorodowej, kazna, osmotr, pałata, rozpiska, sowietnik, szaszka, sztat, tamoźnia, udziałek* (Buttler 1973: 9; Jurkowski 1982: 136-137; Kania, Tokarski 1984: 143; Buttler 1989: 506). Остальные традиционные заимствования настолько прочно „вросли” в польскую речь, что употребляются в ее различных функциональных стилях и до настоящего времени. Из этой группы отметим следующие слова и фразеологизмы: *amerykaniec, bałałajka, barachło, batuszka, blin, bumaga* „документ”, *bylina, bywszy, car, czadra, czajnik, czastuszka, gieroj, grażdanka* „русский гражданский шрифт”, *iść w odstawkę, kibitka, kinąć, kitajec, krugom, kulebiak, machorka, nabór, naczałstwo, naliczać, obróbka, odnieść się do kogoś, odstawać, posłanie, powiestka, pojąć w odstawkę, prikaz, rozchodować, rubaszka, ryło, ryży, smykałka, żołdat, swołocz, szantrapa, taszczyć, ucha, walonki, wraży, wybyć, wyszkolić, zdjąć ze stanowiska, żulik* (Buttler 1973: 11; Rybicka 1976: 32-33, 44; Kuroczycki, Rzepka 1979: 109-111; Jurkowski 1982: 136-137; Buttler 1989: 506-507). Подробный анализ русизмов, усвоенных польским языком с 1795 по 1918 годы, проводится в работе Х. Карась „*Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów*” (Karaś 1996).

Русский язык оставил следы и в лексике варшавского просторечия XIX века. Б. Вечеркевич указывает, что в этот период в нем функционировало около 180 русских слов и фразеологизмов, в частности, *apiać, ciut ciut, jakby nie było, jak raz, jeden i ten sam, kazonny, konie rozstawne, krugom, mirowy, nadojeść, nazad, nianieczny, niedorozumienie, okutać, polus, raniec, rugać, seriozny, skoliko ugodno, stojęczny, toczka w toczkę, w drebiezgi, w try miga, wygowor, zabradziażyć się, zaiwanić, związać koniec z końcem* (Wieczorkiewicz 1966: 36-39). Разумеется, заимствования, свойственные варшавскому быту далекого прошлого, как, например, *konka* „конный трамвай”, *linijka* „экипаж, используемый пожарной охраной”, *okolotek* „подразделение полицейского городского участка” или *zwoszczyk* вышли из употребления вместе с устареванием самих реалий (Buttler 1973: 12-13).

В первом десятилетии XX века заимствования из русского языка начали проникать в тайные языки рабочего и национально-освободительного движения, обогащая убогую в ту пору исконную политическую терминологию, ср.: *agitka, czarnoseciniec, eserowiec, masówka, ochrana* (Buttler 1973: 11; Rybicka 1976: 58; Basaj 1982: 43). Русизмы хлынули также в воровское, тюремное и уголовное аргю, сделав речь замкнутых социальных групп еще более затемненной и неясной. Именно с такой целью были заимствованы, например, *adinoczka* „одиночная камера”, *bałanda* „суп (тюремный)”, *barachło* „вещи, представляющие некоторую ценность, которые в тюрьме можно было выиграть в карты”, *cepki* „цепочка”, *dzieńgi, hory* „деньги”, *kić* „тюрьма”, *kojka, koszelok, naczałstwo, nary, odsiadka* „отсидка”, *opylić* „продать”, *pasasza* „ведро”, *przykaraulić* „поймать”, *pszczoły* „фальшивые деньги”, *szpion, uborka, wypiska* „покупки в тюрьме” (Buttler 1973: 12; Rybicka 1976: 58; Buttler 1989: 507).

Процесс пополнения словаря русизмами продолжался в военные годы и привел к освоению лексики, связанной с номинацией и характеристикой военной техники, снабжения военных продуктами, боеприпасами и т. п. (ср., например, *diegtiar, gilza, gruzowik, katusza, kukuruźnik, pałatka, pepesza, transzeja, tuszonka*) (Kuroczycki, Rzepka 1979: 109, 114; Kania, Tokarski 1984: 143; Buttler 1989: 508).

Влияние русского языка на польский очевидно проявляется в послевоенные годы, но в работах польских лингвистов имеет диаметрально противоположные оценки: незначительное или интенсивное. В одних работах отмечается, например, что число послевоенных заимствований, которые нашли прочное место в польском словаре, не превышает двадцати (Jurkowski 1982: 136); в других же, напротив, говорится об особенно сильном влиянии русского языка (Basaj 1982: 42; Karaś 1996: 37; Zięba 2008: 14) и рассматривается около 2 тысяч лексических русизмов (Bielecka-Latkowska 1987).

В послевоенные годы лексические русизмы проникали в польскую речь двумя путями – через печатный текст и устную речь (на слух) (Cienkowski 1978: 51). В первую очередь осваивалась та лексика, которая отражала преобразования в политической сфере, в области экономики, науки и культуры: *biedniak, głośność, jarowizacja, kolektywizacja, kołchoz, kołchoźnik, kombajn, komsomolec, kontraktacja, kremłowska wierchuszka, pierestrojka, peterskaja komanda, kułak, nadzień, nadzieńić, snopowiężalka, średniak, łunnik, łunochod, kosmodrom, sowchoz, sputnik, stachanowiec, subotnik, fufajka, mierzuski, ragony, rapacha* „женская меховая шапка”, *rubaszka* „женская кофта без воротника”, *szynel* „женское пальто простого покроя” (Kuroczycki, Rzepka 1979: 109-110; Basaj 1982: 44; Jurkowski 1982: 137; Kania, Tokarski 1984: 143; Buttler 1989: 508; Nowożenowa 2006: 175; см. также: Zięba 2008: 18).

В этот период наблюдается также использование традиционных и новых заимствований с экспрессивной и стилистической окраской: *apiać, baśka* „голова”, *bradziażyć się, bumaga, dziengi, dzierzymorda, gieroj, kić, kimać, kitajec, na piać z plusem, nazad, odsiadka, odstawka, pieriepałki, podłożyć świnię, przeputać, rugać, ryło, smieszno i stranno, sobaka, żołdat, stiliaga, swołocz, szantrapa, szpion, taskać, wredny* (Buttler 1973: 16; Rybicka 1976: 58; Buttler 1977: 104; Kania 1978: 129; Kuroczycki, Rzepka 1979: 114; Jurkowski 1982: 137; Kania, Tokarski 1984: 143; Milejkowska 1966: 257-259; Nowożenowa 2006: 177).

Важной в контексте исследуемой проблемы является монография Я. Белецкой-Лятковской „Rosyjskie zapożyczenia leksykalne we współczesnym języku polskim w świetle materiałów słownikowych i prasy powojennej (1945 – 1985)” (Bielecka-Latkowska 1987), представляющая результаты исследования лексических русизмов в польском языке послевоенного времени. В частности, та ее часть, в которой анализируются новейшие заимствования, не зафиксированные в конце 80-х годов ни в словарях, ни в других научных исследованиях. Русизмы (574 лексические единицы), извлеченные из материалов прессы 1945-1985 годов, рассматриваются автором в 30 тематических группах. Здесь отметим наиболее характерные из них и приведем в каждом случае наиболее типичные примеры.

1. Названия людей (75 слов): *agrarnik, celinnik, chłopkorób, dacznik, dziadźka, Giermaniec, komsorg, kulturnik, naparnik, nieudacznica, normowszczyca, ochotowied, otlicznik, pensjoner, pulemiotczyk, rabfakowiec, rozwiedczyk, siewieriak, sowchoźnik, tajoźnik, tancor, tekstylszczyk, wremienszczyk, ziemlaczka, zimowszczyk*.
2. Названия животных, птиц, рыб и т. п. (60): *amur, bielak, byczki, charius, czawycza, gnus, jorsz, krylatka, moszka, peluga, sajjak, sienga, siomga, suślik, tołpyga, wychuchol*.
3. Названия одежды, обуви, головных уборов, тканей (32): *budionówka, duszegiejka, karakulczak, kiepka, nakomarnik, paniowa, płaszcz-pałatka, warieżki*.
4. Названия из области культуры, искусства, верований, обычаев (28): *czecharda, czekanki, garmoszka, kultbaza, matrioszka, nardy, nowosielje, pominki, wańka-wstańka, żalejka*.
5. Названия блюд, продуктов, напитков (31): *bałyk, ledieniec, lepioszka, łapsza, manty, minerałka, miodowucha, morożenoje, nastojka, płow, prianiki, solanka, szczy, ucha, zbiteń, żerebiatina*.
6. Названия из области химии (42): *azotobakterin, fosfol, izopren, krytolin, lawsan, nitragin, siewieryna, winitrin*.

7. Названия растений и фруктов (29): *ajwa, chna, churta, czeremsza, karagacz, kiedr, kiedrownik, kostianika, limonnik, listwiennica, oblepicha, podbieriozowik, rakitnik, uriuk, żarki, żytołość*.
8. Названия военной техники и военных действий (9): *artpodgotowka, miedsanbat, otriad, pulemiot, razwiedka*.
9. Названия из области администрации (10): *gosbank, kombied, podlinnik, profsojuzy, putiowka, rajkom, sownarkom, uprawa, wyzow, zajawka*.
10. Названия предметов домашнего обихода (18): *czugun, duga, kami-enka, kopciłka, kopiłka, piała, podnos, riumka, stopka, suszyłka, wienik, zbitennik*.
11. Названия видов транспорта (27): *aerosanie, elektromobil, elektryczka, moped, rakietonosiec, samochodka, samoswał, ciepłochod, trymaran, wiertolot*.
12. Названия местностей, помещений и учреждений (22): *celina, gasti-nica, kładówka, konclagier, łogowiszczce, pielmienna, posiołek, pryjomna, stołowa, szaszłyczna, turbaza, zakusoczna, zimowie, zimowka*.

Влияние русского языка на польский, столь ярко проявлявшееся на протяжении XIX и XX веков, привело к тому, что многие русскоязычные слова и выражения, став важной в культурном и коммуникативном отношении частью лексики польского языка, стали включаться в различные лексикографические источники. Например, Словарь В. Копалинского (Kopaliński 2007), охватывающий свыше 20 тысяч старательно отобранных иноязычных единиц (с. 5), содержит около 360 русизмов, многие из которых в прежние издания Словаря не вводились. В итоге дополненный словник включает свыше 200 отдельных слов, в том числе и специальные термины: *akanie, akmeizm, antypka, aparatczyk, arszyn, artel, aryk, bajan, bałałajka, barachło, bezprizornik, białoruczka, białuga, bliny, bogdychan, bogoiskatielstwo, bojar, bolszewik, bolszewizm, brodiaga, bubliczki, buma-ga, buran, buriewiestnik, buriak, butafor, bylina, car, chandra, chlestakowszczyzna, chłam, chozrascziot, czastuszka, czynownik, dacza, dekabryści, domra, fintifluszka, gimnastiorka, głasnost”, gusli, imażynizm, imperializm, jerunda, kabura, kajmak, karatajewszczyzna, kosoworotka, łagier, łunnik, molczalinstwo, muzyk, naliczniki, nowosjelic, nozdriowszczyzna, obłomowszczyzna, oczerk, oczkowitzielstwo, pidżak, pieriestrojka, poputczyk, rubaszka, sjemieczki, stiliaga, taczanka, tajga, tamizdat, ujutno, ukaz, zampolit и др.*, а также около 30 устойчивых оборотов: *administratiwnyj wostorg; biezgriesznyje dochody; bywszyje ludi; chozdienije w narod; czelowiek iz podpolja; gniłoj liberalizm; gniłoj Zapad; gorodok Okurow; inżyniery czelowieczeskich dusz; kajuszczijsja dworianin; klacza istorii; krugom durak; kryłatyje słowa; kwasnoj patriotizm; litieraturnyj gienierał; łoszadinaja*

familia; miachkotietyj intelligent; prijom ostranienija; tołstyj żurnał. В Словаре фиксируется также больше 60 популярных цитат из произведений русских авторов, например, *aj, Mos'ka! znat" ona silna, czto łajet na słona!*; *Aleksandr Makiedonskij gieroj, no zaczem że stulja łomat!*; *a łarczik prosto odkrywałsja; a sczastje było tak wozmożno, tak blisko!*; *a Was'ka słuszajet da jest; a wy, druzja, kak ni sadiet*", *wsjo w muzykanty nie godities'*; *bywali chuże wriemiena, no nie było podlej; czelowiek – eto zwuczit gordo; czemu smiejoties'? nad soboju smiejoties'?*; *czudaki ukraszajut mir; da, wodewil" jest" wieszcz", a proczieje wsjo gil; doma nowy, no priedrassudki stary; i dym otieczestwa nam śladok i prijatiem; i skuczno, i grustno, i niekomu ruku podat!*; *izbawi Bog i nas ot etakich sudiej!*; *koman-dowat" paradom budu ja!*; *kommunizm eto jest" Sowietkaja włast" plus elektryfikacija wszej strany; miecztam i godam niet wozwrata; nie po czynu bieriosz!*; *nie Szekspir gławnoje, a primieczanija k niemu; otsjuda, chot" tri goda skaczi, ni do kakowo gosudarstwa nie dojediesz; pobieditiela nie sudiat; posłuszaj, wri, da znaj że mierul!*; *sil'nieje koszki zwieria niet; skuczno na etom swietie, gospodal!*; *słona-to ja i nie primietil!*; *żyzn" eto smiesznaja i głupaja szutka* и около 30 названий произведений художественной литературы, статей и фильмов, которые стали символами определенных понятий, действий, поступков и т. п.: *Biednost' nie porok; Biez winy winowatyje; Chożdienije po mukam; Czelowiek w futliarie; Diemianowa ucha; Dworianskoje gniezdo; Gieroj naszewo wriemieni; Gorie ot uma; Ledi Makbet Mcenskowo ujezda; Miortwyje duszy; Moi uniwersitiety; Otcy i diety; Putiowka w żyzn'; Swoi ludi socztiomsja; Żywoj trup*). В словник вошли также собственные имена, имеющие общекультурное или историческое значение: *Cziczikow, Iwan Niepomniaszczij, Pitier, Ugrium-Burcziejew, Woschod, Wostok.*

Отношение поляков к иноязычиям вообще и русизмам в частности имело в XIX столетии общественно-политическую обусловленность, так как его в известной мере определили два неязыковых фактора – потеря национальной независимости и сознательное противопоставление Польши, России и Германии. В связи с этим не удивляет, например, что справочники по культуре речи, опубликованные в Польше в XIX веке и в первые годы XX столетия (Kremer 1870; Walicki 1879; Czarkowski 1909; Łętowski 1915), характеризуются отрицательным отношением к лексике русского происхождения. Излишне строгая борьба против заимствований привела авторов к тому, что в указанных работах жертвой пуризма нередко падали исконные польские слова и выражения, например: *zastanowić się* „остановиться”, *widny* „видимый, заметный”, *jawić się* „появиться”, *postąpić w nauce* „успешно учиться” (Buttler 1989: 504-505). Как пишет Х. Карась, в справочниках так много различных недостатков и эмоций, что вернее было бы говорить о том, что в них помещены не списки

лексических русизмов, а перечни слов (выражений), только заподозренных в русскоязычном происхождении (Karaś 1996: 35; см. также: Bartwicka 2007: 352-360). Чисто лингвистическая оценка процесса освоения русизмов содержится в работах А. Красновольского (Krasnowolski 1920) и А.А. Крынского (Kryński 1920). Заимствования из русского языка составляют в них небольшую группу.

В послевоенные годы чужеземие не вызывает столь бурных протестов со стороны поляков. В работах семидесятых годов отмечается, например, что многие заимствования очень быстро приобретают популярность благодаря радиовещанию, телевидению и прессе. Приобретенная популярность влечет за собой появление в речи дублетов типа: *środku masowego przekazu // mass-media, literatura fantastyczno-naukowa // literatura science-fiction*, которые взаимно друг другом заменяются. Никто не предлагает больше искоренить полностью чужие слова, потому что понимает, что опасность для чистоты языка представляет не само наличие заимствований. Языки контактируют друг с другом, и взаимодействие двух или более языков всегда оказывает то слабое, то интенсивное влияние на структуру и словарь одного или многих из них. Избыточные заимствования удаляются из языка в ходе его естественного развития, остаются лишь только те элементы, которые ему совершенно необходимы (Ropa 1974: 526; Rybicka 1976: 53; Wawrzyńczyk 1978: 206). Коммуникативной непригодностью объясняется непринятие польским языком таких лексических русизмов, как, например, *pokupka, przywyczka, upotrzebiam, uwlekać* (Buttler 1977: 26).

Однако некоторый протест со стороны лингвистов вызывают те русскоязычные слова и выражения, которые или осложняют коммуникацию, или имеют структуру, не свойственную польскому языку (см. Buttler 1977: 26). Это или семантические и словообразовательные кальки типа: *odstający* „отсталый, неуспевающий”, *podchodzący* „уместный”, *przytmknąć* „присоединиться к кому-л., чему-л.”, *wiodący* „главный”, получившие переносные значения под влиянием русских лексем *отстающий, подходящий, примкнуть* и *ведущий, зародейрзець, życiurady*, являющиеся поморфемными переводами слов *заподозрить, жизнерадостный*, или, наконец, специфические синтаксические конструкции, например, *pisać z dużej litery* вместо *pisać dużą literą, śledzić za czymś* вместо *uważać na coś* (Buttler 1973: 27-28; Jurkowski 1982: 137).

Как явление сугубо отрицательное расценивается в литературе употребление иноязычной лексики из снобизма и низкопоклонства перед иностранщиной (Rybicka 1976: 118-120; Walczak 1987).

Польско-русский диалог в русском языке на разных этапах его истории имел разные последствия. Рассуждая о путях проникновения иноя-

зычных слов в русский язык, М. Ломоносов в числе прочих заимствований отмечает полонизмы, которые пришли „через сообщество и частые войны с поляками” (Ломоносов 1952: 607), а по данным словаря иностранных слов, вошедших в русский язык к началу XX века и употреблявшихся в устной и письменной речи, заимствования из польского начали входить в русский язык с XVI века (Смирнов 1908: VI). На материале дипломатической корреспонденции Московской Руси I половины XVII в. выявлено, что в русский письменный язык XVI-XVII веков вошли некоторые лексические и семантические полонизмы, которые живы в русском языке до настоящего времени. При этом посредническую роль в контактах генетически родственных языков этого периода сыграла „проста мова” (Гарбуль 2004: 45-55). Кроме того, по данным других исследований, в русском приказном языке I половины XVII века также широко представлены семантические полонизмы (Гарбуль 2004-а: 27-43; Гарбуль 2005: 189-201 и др.).

Именно в XVII веке русский язык испытал сильное влияние польского в процессе переводческой деятельности посольских приказов, которой, как пишет А.И. Соболевский (1899), занимались иноземцы, в большинстве своем не владевшие на должном уровне ни церковно-славянским языком, ни русским. Поэтому переводы с польского в то время, как отмечает автор, были многочисленны и изобиловали полонизмами: (1) „О короле Владиславе IV” – язык русский с полонизмами (с. 43); (2) „Повесть о турках” – русский язык, „изобилующий полонизмами и белорусизмами” (с. 48); (3) „Руководство по конноводству” – язык русский с полонизмами (с. 66); (4) „Поваренная книга Чернецкого” – язык русский „с множеством полонизмов” (с. 67) и др. Зачастую эти переводы представляли собой переписанный русскими буквами оригинал (с. 13). Здесь же автор сообщает о проникновении элементов польского языка в переводы XVII века на церковно-славянском, однако в другой своей работе (1903: 118-120) утверждает, что церковно-славянский язык первой русской риторики, например, „без полонизмов и западных русизмов”, за исключением отдельных имен собственных.

В допетровский период знание польского языка было престижным в кругах русского дворянства. Переводы с польского вслед за латынью становились все более распространенными, и это создавало благоприятные условия для прямого диалога, в котором польский язык занимал лидирующие позиции. Именно это отмечает А.И. Соболевский (1903: 50). Характеризуя языковую ситуацию XVII столетия, он утверждает, что большая часть переводов сделана с латинского языка, то есть с того языка, который был языком науки в Польше и Западной Европе, а за латинским следует польский, „которым владело большинство наших переводчиков”. Более

того, как отмечает В.В. Виноградов (1982: 40), польский язык в это время осознавался как „европеизированная разновидность славянской речи”, и полонизмы получают широкое распространение в дворянской среде, выступая „составным элементом не только литературного, но и бытового словаря высшего общества”.

Несмотря на то что в петровскую эпоху произошла переориентация с польского на французский и немецкий, а переводы уже осуществлялись „минуя польское посредничество” (Соболевский 1899: 20), влияние польского на русский сохранялось, но носило при этом больше опосредованный характер. Именно в Петровскую эпоху русский лексикон вобрал в себя из разных языков 3000 заимствований, отразивших, во-первых, стремление русского языка не замыкаться в пределах национальных границ и, во-вторых, основные направления петровских преобразований в сфере административной, в области военного и морского дела, в сфере науки, экономики, культуры. Об этом свидетельствуют материалы монографии Н.А. Смирнова „Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху”, автор которой утверждает, что административная терминология заимствована в основном из Германии, где было развито административное дело, а военное дело из Франции и Германии **через Польшу** (Смирнов 1910: 4-5). На развороте страниц 30-31 словарной части этой книги 8 из 20 словарных единиц, а страниц 134-135 7 из 18 словарных единиц имеют помету *пол.* (=польское), но большая часть этих слов этимологически восходит, в основном, к латинскому, реже – французскому и немецкому языкам, то есть – польский язык выступил здесь в качестве языка-посредника. Причем многие из этих заимствований не ушли далеко за пределы эпохи.

Многие исследователи отмечают, что польская языковая стихия присуща русскому языку послепетровской эпохи. Так, характеризуя с точки зрения стилистической и историко-генетической словарный состав прозаической поэмы французского писателя Франсуа Фенелона „Телемахида” в стихотворном переводе В. Тредиаковского, А.С. Орлов (1935: 5-55) насчитывает 130 единиц, или польских этимологически, или своими суффиксами, флексией и орфографией указывающих на польский язык, однако С. Кохман (2002) утверждает, что это далеко не полный список, что В. Тредиаковский в своем переводе ориентировался на более ранний стихотворный перевод Яна Станислава Яблоновского, о чем свидетельствуют не только прямые лексические и фразеологические заимствования, но и полные или частичные текстовые совпадения и версификационное построение поэтической речи (Kochman 2002: 263-269; см. также: Kochman 1972: 39-54).

Отмечая латинизированный характер стихов В.К. Третьяковского, Л.В. Пумпянский находит здесь польское влияние: „на латинский лад Третьяковский передвигает во всей фразе союз *и* («мельник и сказал. . .»); эта странность еще усилена употреблением союза *a* в смысле *и* (по-видимому, полонизм, воспринятый через бурсу): *Некогда отстал наук от трудов и дела, / А собрался, вдаль пошел, мысль куда велела*” (<http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il3/il322152.htm>).

Ссылаясь на работы известных языковедов, С. Кохман (1975) утверждает, что в результате многообразных культурных и политических взаимоотношений русский язык XVI-XVII столетий серьезно пополнился заимствованиями из польского. Вместе с тем он указывает на необоснованность скептицизма некоторых исследователей, которые не разделяют его позицию. При этом нельзя не заметить, что в других исследованиях польское посредничество при передаче латинизмов в русский язык считается преувеличенным („не подтверждается материалами”); что для формирующегося на национальной основе русского литературного языка в большей степени характерны не столько лексические, сколько грамматические полонизмы, которые проникали в русский через устную речь (Милейковская 1984: 37-38).

Лексические полонизмы и фразеологические кальки с польского имеют распространение в языке писателей XIX столетия. Известно, например, что поэт-шишковист В.Г. Анастасевич (1775-1845), ревностно отстаивая права русского слова, решительно выступал против галлицизмов, но отличался пристрастием к полонизмам (<http://www.booksite.ru/fulltext/soc/hin/eni/ya/16.htm>). Отсюда следует, что польское слово не заключало в себе оттенка чужеродности: полонизмы свободно вплетались в ткань художественного повествования на русском языке, передавая не чуждый россиянину дух польской речи, создавая атмосферу польской культурной традиции.

Акад. Я.К. Грот (1885) отмечал наличие польской стихии в русском языке: группы слов польского происхождения, которые вошли в русский язык разными путями. Кроме отмеченных М. Ломоносовым (непосредственные контакты и результат военных баталий), он отмечает роль киевских школ, которые находились под польским патронажем, и роль польского как языка-посредника в заимствованиях из других европейских языков (с. 609). Я. Грот в числе первых приводит список общеизвестных слов (кроме тех, которые распространены в западных губерниях и в Малороссии), сознавая при этом, что этот список может быть, с одной стороны, „значительно распространен”; с другой – „при дальнейших соображениях” некоторые слова будут исключены. Список полонизмов включает

107 единиц, но более десяти из этого числа пополнили состав историзмов и архаизмов либо не входят в словарный состав современного русского языка, а в усвоении одиннадцати из них (в основном из немецкого) польский сыграл посредническую роль. Помимо того, автор отмечает, что Петр I в частных письмах употреблял такие полонизмы, как *жадный* (никакой); *мусить* (долженствовать), *фортеция*, которое он употреблял не только в прямом (крепость), но и в переносном значении – *фортеция правды* (с. 609-610).

В исследовании Н.Е. Ананьевой (2004) выявлено 17 семантических групп в языке В.Г. Короленко, которые включают многочисленные лексемы польского происхождения – номинации реалий (субстантивы), номинации признаков лица, предмета и действия – адъективы и адвербумы (с. 17-18) и др. Безусловно, безосновательным будет распространение этих выводов на русскую литературу в целом, поскольку языком детских лет В.Г. Короленко (до событий 1863 г.) был польский язык его матери (Ананьева 2004: 13-14), однако изучение функциональной роли полонизмов в литературе не только XIX, но и XX века (И. Эренбург, И. Ильф и Е. Петров) автор оценивает как весьма перспективную задачу (Ананьева 2004: 25).

К XX веку влияние польского языка на русский очевидно утрачивается. Об этом свидетельствуют 2 лексикографических источника.

„Словарь иностранных слов русского языка” (<http://slov.h1.ru/...>) включает более 19000 слов, в разное время вошедших в русский язык из разных языков, и в их числе 44 заимствования, имеющие отношение к польскому языку. Среди них 29 заимствований польские этимологически. Они (за некоторым исключением – *лядунка*, *манерка*, *муштабель*, *темляк*, *гмина*) до сих пор входят в лексический состав русского языка или как историзмы (*кивер*, *ротмистр*, *хорунжий*, *шляхта*), или составляют активный его запас: *костел*, *ксендз* (церк.); *краковяк*, *лютня*, *мазурка* (муз.); названия предметов в биллиарде (*кий*, *луза*) и другие, отражающие различные сферы деятельности человека: субстантивы – *сейм*, *вензель*, *морг*, *фанабериа*, *фигляр*, *фортель*, *фрамуга*, *франт*, *цукаты*; адъективы *доскональный*, *злотый*, глаголы *гарцевать*, *фасовать*. Остальные из 44, которые восходят к латинскому, немецкому, французскому, голландскому, вошли в русский язык через Польшу, но первой пометой в словаре идет польск.:

1. АМУНИЦИЯ [польск. amunicja лат. munitio укрепление, снаряжение] = уст. совокупность вещей (кроме одежды и оружия), составляющих снаряжение.
2. АРЕНДА [польск. agenda ср.-лат. arrendare отдавать внаймы] = наем одним лицом (или организацией) у другого лица (или организации) имущества = земли ...

3. **ВЕРБОВАТЬ** [польск. werbowac нем. wer-ben] = 1) набирать, нанимать в какую-л. организацию (первонач. в войско); привлекать к какому-л. делу и др.

„Словарь иноязычных выражений и слов” А.М. Бабкина и В.В. Шендцова (1994) включает около 14 тысяч иноязычных заимствований. Это ходовые цитаты и их фрагменты, терминологические сочетания и слова-термины, которые употребляются в русском языке в нетранслитерированном виде. С пометой *польск.* словарь включает только 5 словарных единиц, но их употребление едва выходит за рамки XIX столетия²:

Bardzo nudno (польск.) Очень нудно. *Я всем уезжающим завидую, почти даже и на тот свет уезжающим. Впрочем, это прибавлено для риторической фигуры, а дело в том, что **bardzo nudno** (П. Вяземский. „Письмо А.И. Тургеневу 25 сент. 1818”)³.*

Jak bogu kocham (польск.) Род божбы, „ей-богу”. *Вы, значит, и по-польски знаете? – **Jak bogu kocham!** – засмеялся Соснин. (И.В. Оммулевский. „Шаг за шагом”. 1870).*

Padam do nog (польск.) „Падаю до ног” 1) Всецело предан, с оттенком чрезмерной, раболепной почтительности. *Все говорят, что ваши действия неправильны, люди, которые еще вчера были к вам „**padam do nog**”, не находят слов для вашего осуждения. (Ф. Кони. „Воспоминания о В. Засулич”. 1878); 2) Поклон, привет (кому-либо). *Мой **padam do nog** Татищевой (П. Вяземский. „Письмо А.И. Тургеневу 27 ноября 1820 г.”).**

Wielkie nie (польск.) Большое ничего. *Что же принесла эта романтическая хроника своему творцу при своем появлении в печати? По любимому Лесковым мицкевическому выражение **wielkie nie** (А. Лесков. „Жизнь Н. Лескова”. 1954).*

W połdupka (польск.) На краешке (сидеть). *М. Н. Муравьев не осмеливался сидеть перед князем Долгоруковым на стуле иначе как ... по-польски **w połdupka** („Минувшие годы”. 1908)⁴.*

² Необходимо заметить, что все заимствования в польском используются в графике родного языка, а в русском – в графике языка-источника. Такое использование заимствований имеет давнюю традицию. Словарь В. Смирнова (1908: VI) включает некоторые слова и фразы, которые употребляются в их оригинальной иноязычной форме, „не переменяв иностранного костюма на русский”. Этой же традиции следовали и другие словари иностранных слов. В советский период эта традиция была прервана (все заимствования передавались средствами кириллицы), но возродилась в своеобразном виде в постсоветский период (см. об этом: Григорьева 2006: 97-102).

³ Все выделения – авт. статьи.

⁴ Польские выражения *Jak bogu kocham*, *Padam do nog*, *W połdupka* в словаре даны

В русской культуре нет оценочных суждений относительно полонизмов, поскольку доминирующей иноязычной стихией в нем является стихия французского, немецкого в XVIII-XIX веках и английского в XX-м. Но во все времена малому или большому потоку заимствований в русском языке сопутствуют два противоположных к ним отношения: иноязычие – **зло языка, чужесловие** и „**чужебесие**”, от которого его нужно ограждать и освободить; иноязычие – **неизбежность** и, при разумном к нему отношении, благо языка, поэтому „пурификаторские затеи, стремящиеся к очищению собственного языка от чужих слов и оборотов, сопряжены обычно с напрасной тратой времени” (Бодуэн де Куртенэ 1914: 159); „пуризм бессилен в своей наступательности и наступателен вследствие своего бессилия” (Горнфельд 1922: 8); „заимствования – это частная характеристика языка, ничего не дающая для определения его статуса: сколько бы заимствований из голландского или немецкого ни появилось в рассматриваемый период (имеется в виду Петровская эпоха – авт. статьи), русский язык не становился от этого голландским или немецким и даже не сближался с ними” (Живов 1996: 90).

Изложенные материалы свидетельствуют о том, что вопрос о русско-польском лексико-фразеологическом диалоге не имеет однозначного решения, но при всех различиях мнений все-таки очевидно, что влияние польского языка на русский несомненно, но ограничилось оно пределами XVI-XVII веков, когда польский имел высокий коммуникативный и культурный статус в языковой ситуации России. В меньшей степени это влияние обнаруживается в XVIII-XIX столетиях и совсем утрачивается в XX-м. Причем многие ранее усвоенные полонизмы не входят в активный запас современного русского языка.

Влияние же русского языка на польский приобрело широкие масштабы лишь в XIX веке, когда польский язык потерял свои позиции, а русский уже сформировался как литературный язык на национальной основе. В этот период распространению русизмов способствовали по меньшей мере два фактора: двуязычие большинства поляков и близкое родство обоих языков.

Процесс проникновения русскоязычной лексики не ослабел в XX веке и охватил преимущественно общественно-политическую и социально-экономическую сферы. Заимствование русских слов и устойчивых словосочетаний продолжается также в наше время, проявляясь с наибольшей силой в современном публицистическом дискурсе.

в русифицированном облике, что противоречит правилам польского языка и письма. В соответствии с польской орфографией следует писать: *Jak Boga kocham, Padam do nóg, W półdupka.*

Но (независимо от оценок *за* или *против* заимствований) история того и другого языка подтверждает со всей очевидностью, что „гений языка” (В.Г. Белинский) сам совершает свой выбор и принимает то, что отвечает требованиям его системы и служит приоритетам общества: „заимствование далеко не всегда является фактом пассивным в отношении заимствующего языка”, но, напротив, очень часто „мы имеем дело не столько с влиянием чужого языка, сколько с экспансией языка заимствующего, с некоторым образом лексическим «захватом»” (Якубинский 1986: 71).

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьева, Н.Е. 2004. О польском языке в произведениях русской литературы XIX века (на примере творчества В. Г. Короленко). *Славянский вестник*. Вып. 2. Москва, 13-26.
- Бабкин, А.М., и В. В. Шендецов. 1994. *Словарь иноязычных выражений и слов*: В 3-х т. С.-Петербург.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. 1911-1916. Заимствования. В: С. А. Адрианова (ред.). *Русская энциклопедия*. С.-Петербург.
- Виноградов, В. В. 1982. *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.* Москва.
- Гарбуль, Л. 2004. К истории некоторых полонизмов в русском языке. *Respectus philologicus*, 6/11, 45- 55.
- Гарбуль, Л. 2004а. К вопросу о межславянских лексических заимствованиях в русском приказном языке XVII века. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 1-2, 27-43.
- Гарбуль, Л. 2005. Польский язык как источник семантических калек в русском приказном языке XVII века. *Ogród nauk filologicznych*. Opole, 189-201.
- Горнфельд, А. 1922. *Новые словечки и старые слова*. Петроград.
- Григорьева, Т. 1988. Новая фонетическая тенденция и ее локальная реализация. В: *Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров*. Красноярск, 25-27.
- Григорьева, Т. 2006. Латиница в русском письме. В: Т. В. Григорьева (отв. ред.). *Письменность славян: прошлое – настоящее – будущее*. Gdańsk-Красноярск, 97-102.
- Грот, Я. К. 1885. *Филологические разыскания*. 3-е изд., значит. пополненное. 2. С.-Петербург.
- Добродомов, И. Г. 1971. Дзетси в Москве. В: *Развитие фонетики современного русского языка*. Москва, 242-243.
- Живов, В.М. 1996. *Язык и культура в России XVIII века*. Москва.

- Ломоносов М. В. 1952. Материалы к „Российской грамматике. В: *Полное собрание сочинений*. VII. Москва-Ленинград, 595-769.
- Милейковская, Г. 1984. *Польские заимствования в русском литературном языке XV-XVIII веков*. Warszawa, 37-38.
- Орлов, А. С. 1935. Телемахида. В. К. Третьяковского. В: *Сб. XVIII век*. Москва-Ленинград, 5-55.
- Смирнов, В. 1908. *Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с общедоступным толкованием их значения и употребления, с включением отдельных слов и фраз, употребляющихся в устной и письменной речи в их оригинальной иностранной форме. Настоящий справочник, необходимый для всех классов общества при чтении книг, газет и журналов и содержащий научные, художественные, литературные, политические и вообще технические термины по всем отраслям знания. Сост. на основе лучших энциклопедических словарей и специальных лексикографических трудов*. Москва.
- Соболевский, А. И. 1899. *Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII веков: Речь, произнесенная в торжеств. акте Археол. ин-та 10 мая 1898 г.* С.-Петербург.
- Соболевский, А. И. 1903. *Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков*. С.-Петербург.
- Якубинский, Л. П. 1986 [1928]. Несколько замечаний о словарном заимствовании. В: *Избранные работы. Язык и его функционирование*. Москва, 59-71.
- Bartwicka, H. 2007. Porady językowe czy emocje? (Przyczynek do historii kultury języka polskiego). *Język Polski*, 4-5, 352-360.
- Basaj, M. 1982. Wpływy obce na polszczyznę w sześćdziesięcioleciu. *Język i językoznawstwo polskie w sześćdziesięcioleciu niepodległości (1918-1978)*, 41-46.
- Bielecka-Latkowska, J. 1987. *Rosyjskie zapożyczenia leksykalne we współczesnym języku polskim w świetle materiałów słownikowych i prasy powojennej (1945-1985)*. Kielce.
- Buttler, D. 1973. Nowsze zapożyczenia rosyjskie w języku polskim. *Zeszyty Naukowo-Dydaktyczne Filii UW w Białymstoku. Humanistyka*, 2/6, 5-36.
- Buttler, D. 1977. Neologizmy potoczne powojennej polszczyzny. *Przegląd Humanistyczny*, 12, 99-105.
- Buttler, D. 1989. Elementy pochodzenia rosyjskiego we współczesnej polszczyźni i kryteria ich oceny. Cz. I. Zapożyczenia bezpośrednie. *Poradnik Językowy*, 7, 504-509.
- Cienkowski, W. 1978. Wpływy i zapożyczenia obce w powojennej polszczyźni pisanej. *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego. Prace Językoznawcze*, 91, Warszawa, 47-57.
- Czarkowski, L. 1909. *Słowniczek najpospolitszych rusycyzmów*. Wilno.
- Jurkowski, M. 1982. Wpływy obce na język polski w okresie sześćdziesięciolecia. *Język i językoznawstwo polskie w sześćdziesięcioleciu niepodległości (1918-1978)*. Wrocław, 135-141.

- Kania, S. 1978. O argotyzmach we współczesnej polszczyźnie. *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego. Prace Językoznawcze*, 91, 125-131.
- Kania, S., J. Tokarski. 1984. *Zarys leksykologii i leksykografii polskiej*. Warszawa.
- Karaś, H. 1996. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów*. Warszawa.
- Kochman, S. 1972. W. Trediakowski w kręgu polskich wpływów językowych. *Acta Universitatis Wratislaviensis*, III, 39-54.
- Kochman, S. 1975. *Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo*. Wrocław.
- Kochman, S. 2002. O „полонизмах” в „Телемахиде” Василия Тредиаковского (к вопросу о русско-польских взаимосвязях в XVIII веке). W: A. Pstyga, A i K. Szczeniak (red.). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Gdańsk, 263-269.
- Kopaliński, W. 2007. *Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych z almanachem*. Warszawa.
- Krasnowolski, A. 1920. *Najpospolitsze błędy językowe zdarzające się w mowie i piśmie polskim*. Wyd. IV. Warszawa.
- Kremer, A. 1870. *Rusycyzmy albo moskwicyzmy upowszechnione na Podolu*. Poczet III. T. XVIII/XLI. Kraków.
- Kryński, A. A. 1920. *Jak nie należy mówić i pisać po polsku*. T. I-II. Warszawa.
- Kuroczycki, T. i W. T. Rzepka. 1979. Zapożyczenia leksykalne z języka rosyjskiego we współczesnej polszczyźnie pisanej. *Studia Rossica Posnaniensia*, X, 107-115.
- Linde, S. B. 1807-1814. *Słownik języka polskiego*. T. 1-6. Warszawa.
- Łętowski, A. 1915. *Błędy nasze. Rzecz o czystości języka polskiego na Litwie*. Wilno.
- Milejewska, H. 1966. Kilka uwag o rusycyzmach w tzw. wiechu i w języku potocznym. *Poradnik Językowy*, 6, 256-260.
- Nowożenowa, Z. 2006. Русское слово в польском тексте. B: Z. Nowożenowa (red.). *Wschód – Zachód. Dialog języków i kultur*. Słupsk, 172-178.
- Ropa, A. 1974. O najnowszych zapożyczeniach w języku polskim. *Poradnik Językowy*, 10, 518-526.
- Rybicka, H. 1976. *Losy wyrazów obcych w języku polskim*. Warszawa.
- Walczak, B. 1987. *Między snobizmem i modą a potrzebami języka czyli o wyrazach obcego pochodzenia w polszczyźnie*. Poznań.
- Walicki, A. 1886. *Błędy nasze w mowie i piśmie oraz prowincjonalizmy*. Wyd. III. Kraków-Warszawa.
- Wawrzyńczyk, J. 1978. O rusycyzmach w polszczyźnie współczesnej. *Język Rosyjski*, 5, 206-207.
- Wieczorkiewicz, B. 1966. *Słownik gwary warszawskiej XIX wieku*. Warszawa.
- Witkowski, W. 2006. *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków.
- Zięba, A. 2008. Wpływy obce w polszczyźnie końca XX wieku – na podstawie rzeczowników z wybranych tomów Praktycznego słownika współczesnej polszczyzny. *Język Polski*, 1, 14-21.

ABSTRACT

In most general terms, the paper deals with Russian-Polish and Polish-Russian language contacts in the field of lexicology. The discussion revolves around the evidence of both the oldest and the most recent loanwords, wherein by most recent we mean lexical and phraseological borrowings of the 20th century.